П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

Раскрываются институциональные основы и закономерности эволюции экономической науки, которые делают более реалистичными ее аксиоматические предпосылки, прогнозы и выводы.

In the paper, the institutional foundations and regularities of evolution of the economic science are revealed. This allows to increase the feasibility of the the uxiomatic preconditions, forecast and conclusions.

История эволюции науки свидетельствует, что инерция прошлого экономического мышления оказывается сильнее инерции реальной экономики. С определенным опозданием циклическую траекторию повторяет в своем развитии и наука об экономике, создавая ограниченным, неполным и несвоевременным знанием предпосылку для каждого последующего цикла. Современная мир-экономика представляет собой достаточно глобализированную, многоуровневую структуру, в которой происходят хаотические и противоречивые структурные сдвиги. В ней воплотились не только стихийные начала эволюционного процесса, но и субъективированное знание, действия политиков, менеджеров. К сожалению, экономическая наука почти не учитывает это соотношение объективного и субъективного. К тому же ни один серьезный экономический кризис не был предсказан экономической наукой как общественным и влиятельным институтом. Например, разрушительный мировой кризис 1929–1933 гг. абсолютно не подтвердил прогнозы известных экономистов Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла, которые еще за несколько дней писали оптимистические статьи о положительных трендах развития. Кризис 2008 г. также оказался неожиданным[1].

Системные трансформации еще более противоречиво проявили себя как в хозяйственной практике, так и в национальной экономической науке. Время и количественные изменения позволяют зафиксировать уже не постсоциалистическое наследие, а результаты переходного экономического мышления и практических преобразований нынешней эпохи. Специфика научной деятельности в политико-экономической сфере не позволяет пока отметить положительных изменений парадигмального, методологического и инструментального содержания теории. Пока наблюдается интуитивно-эмпирическая методология в исследованиях и хаотическая неопределенность регулятивных мероприятий практики. В большей или меньшей степени такая ситуация характерна для всех стран. Даже экономическая наука, формируемая в рамках американской идеологии, не может претендовать сегодня на абсолютное лидерство в образах мышления и национальной политике реформ.

Позитивный анализ современного мирового хозяйства свидетельствует прежде всего о том, что, во-первых, динамика его развития крайне неустойчива и имеет нестабильные темпы экономического роста. Во-вторых, резкие колебания конъюнктуры наблюдаются в системе мирохозяйственных связей, отношений. В торговле имеет место тенденция к сокращению в общей структуре трансакционных сделок (около 2 %), что подрывает мотивы инновационного развития производительного капитала как ее основы. Мировая финансовая система превратилась, по существу, в глобальный самостоятельный спекулятивный конгломерат – квазиэкономику, функционирующую не в интересах национальных экономик и людей планеты. В-третьих, мировая экономика как целое (мир-экономика) опирается сегодня на гигантскую пирамиду долгов не только бедных, но и богатых стран. Парадоксально то, что сама кризисность мира обеспечивает пока еще внушительную глобальную ренту финансовому капиталу, который проводит рискованные операции на фондовых и валютных рынках. Ситуация на уровне глобальных финансов усложняется тем, что возрастает риск неуправляемости, неконтролируемости и, следовательно, очередного всеобщего кризиса. В-четвертых, колебания валютных курсов объясняются в первую очередь внедрением в хозяйственную деятельность спекулятивного мотива своеобразного «казино-экономики». Колебания цен на нефть как стратегический товар подтверждают высказанный тезис, ибо они никак не связаны ни с затратами, ни с современными технологиями, ни даже с новыми рынками, динамикой мирового ВВП.

Почти повсеместно источниками роста были личное потребление и приращение товарных запасов (кроме зерна). Экспорт вносил положительный вклад в рост ВВП в Германии, Италии, Великобритании, Канаде и тормозил его в США, Японии и Франции. Везде краткосрочный рост обеспечивался за счет увеличения конечного потребления, что в целом соответствовало доктрине «общества потребления». Неустойчивость экономического роста с низкими показателями сопровождается десинхронизацией региональных экономических циклов. Экспорт (в том числе и институциональный), который стал главным источником роста, выступает и основной ареной конкурентной борьбы. Политика меж-

* Статья написана на материале многолетнего изучения тенденций эволюции экономической науки в связи с хозяйственной практикой, расширенную и дополнительную аргументацию которой можно найти в следующих изданиях: Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Мн., 2001; Очерки политической экономии / Под общ. ред. П.С. Лемещенко. Мн., 1999; Современная политическая экономия / Под общ. ред. П.С. Лемещенко. Мн., 2005; Современная экономическая наука: в поисках лучшей теории [Электронный ресурс] // http://www.bsu.by/main.aspx?guid.

дународных институтов направлена на сознательное снижение твердости национальных валют, консервируя тем самым конкурентоспособность стран. В-пятых, в мире происходят очевидные технологический, демографический, экономический и социальный перекосы. Инновации и, естественно, капиталовложения больше всего проникли в финансовую сферу, обеспечивая рентные доходы, дестабилизируя рыночную стратегию развития.

В-шестых, в конце XX в. возникло еще одно неравенство, более глубокое, чем по уровню бедности и потребления, которое также углубилось. Его суть состоит в том, что глобальная сеть, созданная информационно-компьютерными технологиями, зафиксировала также неравенство стран и людей в доступе к информационному ресурсу. Возникла серьезная социально-нравственная проблема информационной дискриминации, которая, в свою очередь, разлагает общественный капитал и тем самым нарушает хрупкое институциональное равновесие. Так называемые постсоциалистические и развивающиеся страны своими реформами «подпирают» экономическое положение индустриально развитых стран. Эксплуатация приобрела более изощренные формы, усиливая неравенство населения.

В-седьмых, современная мир-экономика со своими характеристиками уже давно не вписывается в предмет мировой экономики. При тенденции мирового хозяйства к глобализации обнаруживается его предел к потенциальному развитию. Это проявляется в разделении мировой экономики на части, которые иногда называют великими мировыми разломами. В современном обществе наблюдается замена производственных отношений хозяйственными связями, в которых благодаря имеющимся компьютерно-коммуникационным технологиям разрешается противоречие между трудом и капиталом. Но оно переходит в плоскость более глубокого противоречия между логикой развития капитала и культурными ценностями человеческого бытия, логикой спекулятивной экономики и созданными в эпоху классицизма демократическими ценностями. Объектом жесткой конкуренции и эксплуатации является распределение функций и ролей государств по их участию в мировом управлении.

Оценивая под углом зрения мировых тенденций уровень достижений экономической науки в традициях «мэйнстрима», следует отметить, что ее предмет не получил четкого статусного определения. Инвентаризация идей экономической теории показывает ее зацикленность на системных свойствах абстрактного рынка, и она может предложить лишь самый общий набор принципов функционирования этой модели экономического устройства без философского, исторического, политического и социального контекстов. Наука об экономике, традиционно базировавшаяся на соответствующих стоимостных категориях, дополненных ценностными характеристиками, утратила во многом свою историко-логическую эвристичность, самостоятельность, цельность и практичность. Проявлением цивилизационного кризиса является возникновение параэкономики и гетероэкономики как своей противоположности, переходящей в теневую, а потом и в антиэкономику. В связи с этим начали появляться и лжетеории, «объясняющие» эти новые явления в заданном русле. Хозяйственная деятельность последних лет уже не постсоциалистическая, но и не капиталистическая, рыночная, а следствие некоей (?) другой теории.

Определяя предмет и избирая соответствующий подход к анализу экономики (а это исходное условие теоретического переосмысления), следует заметить, что предмет теории экономики вышел сегодня за привычные рамки обмена, который часто отождествляют с рынком и рыночной экономикой. Причем рынок как хозяйственная система включает в себя не только все фазы воспроизводства, которые были в центре внимания Дж.Ст. Милля, К. Маркса, Й. Шумпетера, В. Леонтьева, Л. Мизеса, П. Сраффа и др., но и огромный пласт историко-институциональных условий, язык и пр.

Если следовать каноническим традициям логики развития экономической науки, то можно выделить предмет теории меркантилизма и физиократов, предмет политической экономии, неоклассику. Изменение названия – «экономикс» – сказывается и на самой дисциплине – политэкономии, которая распалась на ряд специальностей. Отделилась «чистая» наука об экономике с ее моделью «экономического человека» от проблем государственной и социальной политики, социологии и истории, менеджмента и психологии. Макро- и микроэкономический анализ, денежные и финансовые теории следует отнести к прикладным и более частным концепциям, кстати сказать, не связанным между собою общим философским смыслом.

Современные практические хозяйственные проблемы и сложившийся уровень теоретических наработок позволяют выделить в предмете экономической науки уже достаточно оформленное целостное институционально-экономическое и социокультурное пространство, основной задачей которого является исследование комплекса проблем геополитического и социально-экономического развития. Институциональные инновации здесь имеют первостепенное значение и детерминированность по отношению к другим изменениям, росту и пр.

Как свидетельствует история логики экономического анализа, возникшие и существующие теории имеют тенденцию к замкнутости и обособленности от «неудобных фактов», которые подрывают основы самой теории. Для «разных» теорий существует свое понимание и отношение к фактам. Например, для институционализма факты хозяйственной жизни выходят за пределы чисто экономического

поля и соответствующих категорий. Понятие «институции» определяет исходную фактологическую базу для представителей данного направления науки, где генерируется и аккумулируется социально-экономический потенциал непротиворечивого развития.

Но научный метод имеет первостепенное значение перед фактами рациональности и даже отдельными открытиями. Именно он задает направление и способ исследования, результаты, отраженные в определенных категориях, а в конечном счете и право экономики считаться наукой. Однако следует подчеркнуть, что в выборе метода или частных методик экономических исследований должно быть, во-первых, обращение к экономике как устройству, имеющему конституирующие начала. Во-вторых, необходимо закладывать в ней эволюционные установки и способность к самоорганизации и порядку. А в-третьих, теоретическая экономика в своем фундаментальном понимании обеспечит эвристическую функцию лишь при условии заложенной a priori гуманистической позиции. Такое утверждение позволительно по той простой причине, что экономическая наука – это прежде всего наука о человеческой деятельности.

Проблемы методологического характера, свойственные для современного этапа экономической науки, лучше всего могут быть поняты, если обратиться к истории логики экономических исследований. Первая целостная картина экономической реальности, если оставить в стороне ранние стадии становления теоретической экономики, принадлежит классической политической экономии. Мир богатства выступил предметным миром политэкономии, а объективные законы-тенденции стали эвристической целью и главной функцией экономической науки на тот период. Стержнем общей экономической картины мира было движение или кругооборот общественного продукта с его составляющими. Классиками были выяснены причинно-следственные и функциональные взаимосвязи между главными источниками богатства – землей, трудом, капиталом, формами богатства и его распределением через соответствующую систему доходов. В движении богатства ученые искали универсальные закономерности и законы экономии, стремясь предвидеть и объяснить тенденции экономического развития.

Используемая парадигма марксизма позволяет считать это учение продолжением эволюции классической школы. Конкретный мир на теоретическом уровне воспроизводится К. Марксом как совокупность противоречиво развивающихся производственных отношений между трудом и капиталом, внутри различных видов капитала, между исторически сложившимися институтами (частной собственности, государства, религии, морали, семьи и пр.) и новыми институциональными изменениями (демократическая мораль, буржуазное право, новая роль банков, капиталистическая и акционерная собственность, производственная кооперация на уровне капиталов, монополистические объединения). В исследовательской программе К. Маркса диалектическая позиция воплощалась непосредственно через метод восхождения от абстрактного к конкретному, дополняемый принципом единства логического и исторического. И в этом новизна методологии марксистской политэкономии. Как бы приняв вызов исторической школы, К. Маркс делает дедуктивные заключения об эволюции общества в целом и экономике в частности как естественно-историческом процессе, в котором товар как элементарная форма общественного богатства фиксирует в себе синкретические начала истории хозяйственного бытия и логики.

Историческая школа полностью не восприняла парадигму классической политической экономии, что создало научный конфликт. Формирование исторической школы в противовес классической было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономии, поскольку впервые в истории науки отчетливо и критически была осознанно сформулирована сама проблема метода экономического исследования. Представители исторических традиций в экономике своими работами дали возможность зафиксировать национальное самосознание европейских стран, для которых понимание и, естественно, развитие экономики возможно лишь в контексте освоения мира культуры в широком смысле слова.

Следующий значимый парадигмальный сдвиг в теории экономики был связан с австрийской школой и в целом с маржиналистами. Объективная картина экономического мира сменилась субъективным восприятием экономического агента. Здесь предельно чувственное начало каждого из них все-таки выводилось из некоего абстрактного субъекта, который наделялся теми или иными чертами. Реальная же картина экономического мира интерпретируется как образ (!) этого субъекта. Маржиналисты своими теориями доказали, что экономическая реальность сама рождается в процессе активной деятельности субъекта.

Итак, эволюция экономической науки привела к проявлению четырех главных картин сложного и динамичного реального хозяйственного мира. Это прежде всего мир богатства и модель развития классической политической экономии и политэкономии К. Маркса. Во-вторых, хозяйственная картина всей культуры национальной экономики, к чему в своих исследованиях обращаются представители историко-институционального направления. В-третьих, мир хозяйствующего субъекта маржиналистов. В-четвертых, активный деятельный мир, предложенный Кейнсом. В каждом из этих подходов осуществляется, в свою очередь, и своеобразная интерпретация рациональности, к которой обраща-

ются экономисты. Анализ методологии экономической науки в XX в. не позволяет обнаружить каких-либо новых парадигм теории. Для эволюции практически всех сложившихся направлений и школ экономической науки характерно использование плюралистических парадигм. Вероятнее всего, плюрализм экономической теории XX в. вполне соответствует усложнившейся реальности глобального капитала, в развитии которого преобладают противоречивые процессы не только на уровне политико-экономических, но и хозяйственно-психологических связей. Он включает в себя как известные параметры, вытекающие из предшествующей экономики, так и глубинные аналогии между забыванием прошлой истории и актуализацией будущего, психологическим временем и наследственным процессом психологического забывания, наследственной и социальной обусловленностью поведения людей, психологической оценкой денежных явлений с постепенным затуханием во времени и эффектом запаздывания регулятивных политико-экономических мероприятий.

В существующих же теориях обнаруживается этическое начало английской политэкономии, конституционно-правовая основа американской теории, историко-культурные корни западноевропейской науки и патриархально-самодержавные элементы экономической науки российско-белорусско-украинского региона. В свою очередь, эти особенности проявляются и в реальных политико-экономических моделях, которые действуют в этих странах и регионах.

Под влиянием «новой экономики» в теорию вносятся важные изменения. Ее формирование связано с циклами технологических укладов, структурой производственных отношений, хозяйственных связей и форм. Свойственные для новой экономики проявления стали доминирующими как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях, отношениях, связях. Теория новой экономики должна строиться на методологическом подходе, учитывающем принципиально иные гносеологические компоненты. Первый – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся, в том числе и конкурентную, среду. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени: признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми экономисты традиционно ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Третий – влияние возникшей новой нормы, не только регламентирующей поведение хозяйствующих субъектов, но и придающей целостность современной экономической системе: мышление категориями «информационной экономики» и норма прибыли высокотехнологичных отраслей, определяющая критерий равновесности и эффективности системы. Информация, информационные технологии делают сознание человека не столько предметом труда, столько экономической науки, что проявляется в различных общественных формах. Это, следовательно, должно являться и предметом науки. Для новой теории предполагаются разные названия. В нашей версии – теоретическая экономика – это формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы, выработка оптимальных хозяйственных «порядков», определение норм, принципов и форм координации взаимоотношения людей, социальных групп, классов, реализующих в процессе своей деятельности определенные цели и интересы. Если учесть многие эпистемологические дискуссии, то парадигма современной науки об экономике будет иметь несколько уровней или же, образно говоря, «фильтров»: онтологический, языковый, риторический и методологический. Современный этап развития экономической науки, соответствующей четвертому уровню рациональности, требует уже переосмысления самой теории, реализованной непосредственно в текущей хозяйственной и политико-экономической системе. Речь идет о том, насколько нынешний мирохозяйственный порядок отвечает экономической цели – развитию человека, который в традициях прошлых исследований предполагал его всего лишь как фактор, что не соответствует реальности.

При всей своей важности в условиях современности исследовательская программа институционализма все же будет частным случаем теории. Объект и предмет анализа институционалистов выходят за привычные ограниченные объектно-субъектные рамки «ресурсы-результаты» и производственные отношения. Институты как эндогенные свойства в теории выступают главной единицей анализа, а принцип целостности (холизма) позволяет характеристики поведения индивидуумов выводить из характеристик институтов, а не наоборот, как это делает неоклассическая теория. В зависимости от избранного критерия систему институтов можно классифицировать на: формальные и неформальные, системообразующие и второстепенные, первичные и производные (метаинституты, вторичные, третичные и пр.), международные и национальные, экономические и политические, базовые и переходные. Институциональная программа исследований обращается также к кумулятивному началу общества как целого, так и различных его частей. Авторский подход к имеющимся политико-экономическим и институционально-социологическим теориям позволил обобщить и включить в структуру институционального анализа теорию капитала Маркса, социал-демократические теории,

теории индустриализма, конвергенции, геоэкономики, теории структурных накоплений и развития. Это дает хозяйственной практике основу для прогнозирования, планирования и проектирования институтов развития страны, формируя иной арсенал инструментов госуправления.

Теоретический синтез закладывает основы для определения многоуровневой природы таких базовых институтов, как собственность и идеология (экономическая – Д. Норт), фиксируя в них общеэкономические свойства, политико-экономическое содержание и общественно-правовые формы, взаимосвязь. Такой подход расширяет выбор эффективных политико-экономических и институциональных форм реализации собственности применительно к разным природным, технико-экономическим, правовым и социальным условиям хозяйствования, которыми отличаются страны. Определение же верной «формулы» экономической идеологии для этих условий является крайне важной теоретической и практической проблемой, охватывающей различные стороны человеческой деятельности, включая отношения собственности на неформальном и формальном уровнях, обеспечивающей повышение конкурентоспособности экономик, социально-экономическое развитие и рост с учетом их источников, факторов и условий. В частности, институциональная среда может как ограничивать, так и расширять границы производственных возможностей за счет формирования социального капитала, имеющего сложную структуру и механизмы деятельности в пространстве и во времени. Но это связано прежде всего с институциональными изменениями, имеющими дискретную траекторию эволюции и сопровождающимися, в свою очередь, неравномерным распределением издержек на создание новых институтов, извлечением и присвоением инициаторами реформ разного рода трансформационной ренты. Изменение величины издержек и рентных доходов между членами общества создает условия для поддержки или же торможения проводимых политико-экономических мероприятий. Как показывает анализ истории и теории реформ, любая институциональная система имеет свой предел положительной отдачи от функционирования, поскольку затраты на ее поддержание в прежнем качестве будут превышать общий полезный эффект. Поэтому крайне важно заниматься институциональным планированием и проектированием, выявляя историческую обусловленность и предпочтения стран в возможном выборе своих правил и норм координации, определяя пути и механизмы превращения неформальных отношений в формальные эффективно действующими институтами. Институциональное планирование должно стать прерогативой не только государства, но и общественных органов, чтобы исключить присвоение трансформационной ренты государством или частными лицами.

Особую сферу исследований в условиях системных трансформаций представляет процесс институционализации как наиболее характерный для переходного периода. Его рассмотрение в качестве самостоятельной эпохи отражает теоретическую слабость, поскольку все процессы оказались непредсказуемыми, а люди, таким образом, неготовыми принимать рациональные действия в политико-экономическом вакууме. Для реального переходного периода характерна и переходная экономическая теория, которая отражает смену не только парадигмальной оболочки, но и ее основы, т. е. «жесткого ядра». Переходный период – смена базовых, системообразующих институтов общества, позволяющая выделить ряд этапов данного процесса. Для него характерно прежде всего институциональное неравновесие, в преодолении которого с разной степенью активности участвуют различные социальные слои и классы, профессиональные группы. Импорт гетерогенных институтов усиливает этот дисбаланс. Критерием смены одних институтов на другие выступают соотношение затрат и выгод, общественная польза от институциональных инноваций. Переходные институты в эпоху системных трансформаций играют роль общественно-экономических стабилизаторов, а посему должны иметь особую значимость в экономической политике, которая, в свою очередь, приобретает на данном этапе решающее значение для результатов системных трансформаций, поскольку ее главной целью является создание не просто иной, а более эффективной институциональной системы. Закономерностью для стран с переходной экономикой стало и то, что целей выдвигается значительно больше, чем инструментов, которые институт государства может предложить. Типичный пример – валютно-денежная неопределенность в 2011 г.

Надо понимать, что политические цели являются производными от общих тенденций страны, а при моделировании экономической политики необходимо обращать внимание на следующие проблемы: 1) есть ли адекватная информация и какова ее доступность; 2) существуют ли издержки приобретения информации; 3) авторы по политическим и экономическим проблемам экономят на редкой информации, формулируя упрощенные модели окружающей среды; 4) возможности и способности политиков по усвоению и обработке информации ограничены; 5) степень доступности информации для широкой публики и правильность ее понимания относительно проводимого курса. Эти и другие проблемы имеют свои характеристики и входят составной частью в теорию и практику экономической политики.

Ваучерная приватизация создала институциональный конфликт, в котором спецификация прав собственности стала более размытой, а следовательно, не создающей условий для экономической активизации трудовой деятельности как новых собственников, так и менеджеров и тем более лиц наемного труда, о чем свидетельствуют показатели производительности труда. Из анализа теории и практики вытекает, что политика приватизации-национализации является единой с двумя рычагами

управления, в ходе которой на практике достигается относительно лучший набор отношений по институциональному закреплению прав собственности, реализующих преимущества стоимостных, денежных, капитальных и иных форм ресурсов, на которых основывается современная экономика, но имеющих разную доминанту влияния. Как общественный норматив, регламентирующий социально-экономическое поведение индивидов, стоимость, закрепляется и усиливается в денежном феномене социально-психологическими свойствами, которыми его наделяют люди и различные институты. В настоящее время информация эквивалентна деньгам, а деньги – синтетической информации. И это неспроста, поскольку собственно «банки» как хранилища универсального общественного богатства срослись с «банками данных». Такое сращивание оказалось возможным благодаря новой информационной функции денег, которую они стали выполнять в период перехода от бумажных к электронному виду. Банки по отношению к вкладчикам всегда располагают большей информацией, что обусловливает их оппортунистическое поведение и выигрыш, основанный на манипулировании нормой доверия держателей денежных средств, – этим и определяется ценность денег и, следовательно, банков.

Анализ показывает, что финансовый капитал вступил в противоречие с капиталом как экономическим феноменом, основанным на частной собственности и производительной норме поведения. Кроме общей мировой нестабильности, система отношений выступила против человека как вида и как социума. В условиях глобализации наметился переход традиционной власти от денег и государства к иным формам. Одновременно была заложена основа дестимулирования, поскольку перераспределение прав собственности не носило экономического характера и обусловило значительное отклонение от известного равновесия по Парето. Законы распределения, на которые кредитно-денежная система повлияла в первую очередь, вступили в противоречие с законами собственно производства. Праздная жизнь небольшого числа богатых государств как вторая сторона экономик рыночного типа, которую критиковал еще Т. Веблен, оказалась ближе, чем жизнь производительная. Естественно, это был основательный шаг, направленный на подрыв доверия к республиканским валютам, банковской системе, реформе в целом. Как переходный институт банки на первых этапах своего возникновения заложили спекулятивную норму поведения экономических агентов. Создание новых банков за счет оборотных средств предприятий нарушило воспроизводственный цикл в целом. Банки усугубляют этот процесс задержкой расчетов, высокими процентами за кредиты, рискованными кредитными операциями.

Для стимулирования развивающихся экономик надо исходить не из учетной ставки банковского процента как некоей нормы поведения экономических агентов, а из возможной, планируемой нормы прибыли на затраты промышленного капитала. Сегодня норма доходности предприятий высокотехнологичных отраслей служит критерием эффективности и ориентиром для цен на товары, заработную плату, налоги, трансферты и пр. С институциональной точки зрения мы должны учитывать то, что монетарная мотивация с соответствующим поведением и организацией общества не является доминирующей стратегией многих новых стран, включая, например, Беларусь, Россию и Украину, где денежный приоритет находится во втором ряду ценностей.

Эволюция традиций и формальных правил, их использование напрямую связано с изменением экономического образа мышления, с которого и начинается действительная реформа. Ситуацию в экономическом образовании можно охарактеризовать как смену одной схоластической теории – ортодоксального марксизма на другую – ортодоксию неоклассики. Экономическое образование должно строиться на базе современных достижений экономической науки с учетом ее философского контекста, тенденций развития мирового хозяйства и имеющихся конкурентных преимуществ вузов. Анализ же учебных планов, программ по экономическим дисциплинам показывает, что произошла экспансия неоклассической теории экономики, что не улучшило подготовку специалистов. Схема университетского образования предполагает выдвижение на первое место научных исследований, в которые активно вовлекаются и студенты. Это ориентирует на получение приращенного знания, которое в процессе преподавания в иных высших учебных заведениях получит широкое распространение. Соответственной должна быть и система учебных дисциплин и предметов, отражающих различные институциональные нормы устройства и противоречивые тенденции развития современной мир-экономики.

Таким образом, при всем при том, что в настоящее время экономическая наука утратила свою эвристическую объективность, все же хаотичная реальность и неопределенность рано или поздно заставят теорию выстраивать свои заключения в соответствии с требованиями жизни, причем не индивидуальной или групп давления, лоббирования, а основанной на институциональных тенденциях мировой практики. К сожалению, современная наука пока еще представляет собой лишь фрагментарные знания, не лишенные индивидуально-группових интересов влияния.

[1] См.: Лемещенко П.С. Экономический кризис как институциональная форма и ступень отрицания капитала // Науч. тр. Донецк. нац. техн. ун-та. Сер. экономическая. 2010. Вып. 38. № 2. С. 117–131.

Поступила в редакцию 13.04.11.

Петр Сергеевич Лемещенко – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики. Область научных интересов – методология и структура современной экономической науки, ее логика и закономерности эволюции; проблемы современной политической экономии и экономической политики; институциональная экономика; процессная и эволюционная экономика; антиэкономика и параэкономика. Автор более 180 научных и научно-методических работ, в том числе 10 монографий и учебных пособий.